Изъ дневника внучки.

Глава I.

Мнѣ было около четырехъ лѣтъ, когда скончался Императоръ Александръ I въ 1825 г. Это мое самое раннее воспоминаніе,—съ тѣхъ поръ я все помню.

Курьеръ пріѣхалъ объявить отцу о смерти Государя; въ домѣ поднялась суматоха, начались толки, догадки, говорили, что Великій Князь Константинъ наслѣдуетъ престолъ. Шестилѣтній братъ мой Александръ прибѣжалъ въ дѣтскую объявить, что приказчикъ нашъ Константинъ Васильевичъ будетъ императоромъ; мы нашли совершенно естественнымъ, что такой великій господинъ, какъ Константинъ Васильевичъ (въ которомъ была безъ малаго сажень), сдѣлается царемъ, и когда онъ вошелъ къ намъ, мы всѣ стали кричать: „ура“! Константинъ Васильевичъ. поздравляемъ васъ, „ура!“. Онъ принялъ наши крики съ хладнокровіемъ хохла, но кто-то унялъ насъ, и крики и нашъ восторгъ утихъ.

О 14-мъ декабря я мало слышала, при насъ остерегались говорить: помню, что превозносили вѣрность Шервуда, но вмѣстѣ и слышала про него слѣдующій анекдотъ: кто-то спросилъ, отчего ему въ гербъ дали собаку. „Да оттого, что онъ с..... с...“, былъ отвѣтъ.

Этотъ Шервудъ, несмотря на свою вѣрность, нигдѣ не смѣлъ показываться, и о немъ скоро перестали говорить. Разсказывали, что Цесаревичъ (нынѣшній Императоръ Александръ II) скоро послѣ этихъ грустныхъ происшествій сталъ играть съ сестрами въ

14-е декабря и взялъ на себя роль одного изъ декабристовъ..... Николай Павловичъ взошелъ въ это время и строго наказалъ Цесаревича.

Когда объявили отцу о смерти Государя, мы были въ деревнѣ въ Рязанской губерніи; нѣсколько дней послѣ мы уѣхали въ Москву, гдѣ всегда проводили зиму. Съ ужасомъ вспоминаю эти зимнія путешествія. На насъ надѣвали заячьи шубы, покрытыя желтою нанкою (мы только въ дорогу въ нихъ облекались), укутывали немилосердно и сажали, кого въ возокъ, кого въ кибитку; счастливъ былъ тотъ, кто попадалъ въ кибитку; разъ усѣвшись, никто не могъ тронуться, почти поднять руки не могъ. На долгихъ, т. е. на тѣхъ же лошадяхъ, ѣхали мы 140 верстъ до Зарайска, а тамъ брали почтовыхъ, которыя не скорѣе собственныхъ лошадей доставляли насъ на третьи сутки до Москвы. На каждой станціи объявляли матушкѣ, что нѣтъ лошадей, и мы должны были сидѣть по нѣсколько часовъ въ комнатѣ станціоннаго смотрителя или нанимать лошадей вольныхъ ямщиковъ за двойные или тройные прогоны. Передъ отъѣздомъ изъ деревни отправляли въ Москву обозъ съ сундуками, чемоданами, кухнею, всякою рухлядью и часть прислуги. Люди, служившіе намъ, перевозили съ собою женъ, дѣтей и чуть-ли не все имущество свое. Кромѣ того, изъ подмосковной привозили въ Москву на ста подводахъ мебель, провизію и проч.

Отецъ никогда съ нами не ѣздилъ; онъ пріѣзжалъ, когда все было устроено въ наемномъ домѣ. Вообще, онъ жилъ особенной жизнью, хозяйствомъ и дѣтьми не занимался, а все предоставлялъ матушкѣ; она управляла имѣніями и насъ воспитывала. Насъ было четверо, два брата и двѣ сестры. Въ домѣ у насъ было принято обожать дочерей, а сыновей считать ни во что; матушка громко говорила: „Mes filles sont des anges, et mes fils de la chair au canon“. Отецъ былъ ласковъ къ сестрѣ и ко мнѣ, но мы, все-таки, его страшно боялись, потому что онъ былъ ужасно строгъ съ братьями, которыхъ мы очень любили. Это одно изъ тяжелыхъ воспоминаній прошедшаго... мнѣ больно останавливаться на немъ. Къ матери мы были очень привязаны и долго не понимали, что она братьевъ напрасно любитъ меньше насъ; они же понемногу охладѣли къ ней и привыкли думать, что ихъ любовь и довѣріе ей не нужны. Не могу понять до сихъ поръ этого неестественнаго чувства въ женщинѣ, до такой степени умной, высоко одаренной и способной такъ горячо любить дочерей, она посвятила намъ всю жизнь, безпрестанно намп занималась, но сестрою и мною—съ нѣжнымъ увлеченіемъ, а сыновьями, какъ будто, только по чувству обязанности и долга.

Отецъ, какъ я сказала, жилъ особенною жизнью, и мы рѣдко его видѣли. Весною и лѣтомъ онъ часто ѣздилъ на ружейную охоту, а осенью уѣзжалъ мѣсяца на два въ отъѣзжее поле охотиться на волковъ и на лисицъ; зайцевъ онъ не удостоивалъ травить и оставлялъ эту мелочную забаву своимъ псарямъ, которые сотнями ихъ брали и продавали мѣхъ въ свою пользу. У отца была богатая охота и безчисленное число собакъ, которыя помѣщались въ особомъ зданіи, гдѣ были конуры для каждой породы и общій дворъ для всѣхъ. Тутъ же были избы для псарей, стремянныхъ, ловчихъ и т. д. Они составляли какъ бы особенную касту людей и почти всѣ были сущіе разбойники. У нихъ былъ красный мундиръ, синія шапки и сѣрыя лошади для парадной охоты, а синіе кафтаны и разношерстныя лошади для вседневной. Когда отецъ уѣзжалъ осенью, то съ нимъ отправлялся огромный обозъ со всѣми припасами для людей, собакъ и лошадей, бричка для отца, его лошадь съ черкесскимъ сѣдломъ и серебряною уздечкою (стремена были изъ литого серебра), кибитки для охотниковъ, качалка для больныхъ собакъ и множество телѣгъ, навьюченныхъ сѣномъ, овсомъ и всякою провизіею. Конюшня и домъ нашъ пустѣли, оставалась одна лошадь, чтобы посылать на почту, а намъ для прислуги старый буфетчикъ и мальчикъ, не годящіеся для охоты. Матушка страдала отъ этихъ порядковъ, но ничего не говорила, никогда упрековъ отцу не дѣлала, такъ что мы не подозрѣвали, что можетъ быть другая семейная жизнь.

Глава II.

Въ годъ коронаціи Николая Павловича мы рано осенью переѣхали въ Москву, потому что отецъ служилъ, но гдѣ, не помню. Войска, приведенныя со всѣхъ концовъ Россіи для празднествъ, проходили мимо нашего дома; запыленные и усталые солдаты останавливались у оконъ кухни въ нижнемъ этажѣ, и люди наши, подавали имъ квасу. Но праздники коронаціи не нашли отголоска въ нашемъ домѣ, потому что матушка въ это время была при смерти больна. Помню только, какъ разсказывали, что при народномъ пиршествѣ народъ бросился хватать не только кушанья, для него приготовленныя, но и столы, скамейки и красное сукно съ мѣстъ, приготовленныхъ для дворянства; много было раненыхъ и нѣсколько убитыхъ въ толпѣ.

Мы не понимали опасности болѣзни матушки, но насъ поразило то, что мы ее нѣсколько недѣль не видали, тогда какъ обыкновенно

неотлучно бывали при ней. Какъ только ей стало лучше, насъ нозвали къ ней, но, несмотря на взаимное счастье при свиданіи, черезъ пять минутъ насъ вывели изъ ея комнаты, боясь слишкомъ сильнаго волненія для больной. Спустя нѣсколько времени мнѣ позволено было сидѣть въ уборной матушки, отдѣленной отъ спальни перегородкой. Понемногу стали къ ней пускать близкихъ родственниковъ; часто пріѣзжалъ братъ ея Гавріилъ Гавріиловичъ Бибиковъ; онъ иначе не могъ говорить, какъ очень громко, спорилъ, кричалъ, и все время его посѣщеній я разливалась горячими слезами. Гувернантка, которая всегда со мною сидѣла въ уборной, никакъ не могла понять, отчего я всегда плачу, когда дядя у матушки, и, наконецъ, я ей призналась, что я не могу слышать, какъ дядя бранитъ матушку. Мнѣ послѣ растолковали, что онъ не думаетъ бранить, а только горячо разговариваетъ. Дядя имѣлъ еще странную привычку или, лучше сказать, предразсудокъ: онъ никогда не уходилъ сразу, но всегда возвращался три раза въ комнату. Насъ забавляло, какіе предлоги онъ находилъ, чтобы воротиться извѣстное число разъ.

Матушка не успѣла оправиться, какъ я занемогла горячкой; я долго лежала въ постели и помню только, какъ мнѣ хорошо было, когда я начала выздоравливать. При мнѣ была моя любимая гувернантка, нѣмка Марія Андреевна Гейнцъ; я ее такъ страшно любила, что находила прелестнымъ ея лицо, покрытое прыщами. Она какъ-то разъ сказала, что будетъ лѣчиться отъ этого непріятнаго украшенія; я бросилась къ ней на шею, увѣряя ее, что безъ прыщей не будетъ вовсе такъ красива. Марью Андреевну я ни на минуту не отпускала отъ себя и была въ отчаяньи, когда она въ воскресенье ѣздила къ своей матери. За то воскресенье сестра моя, старше меня четырьмя годами, проводила день у меня и обѣдала со мною. Теперь живо вижу предъ собою мою комнатку въ верхнемъ этажѣ, два окна съ бѣлыми занавѣсками, между окнами столъ, на немъ книги и тетради сестры,—она готовитъ уроки къ другому дню. На ней красный сарафанъ и бѣлая кисейная рубашка; четыре длинныя черныя косы спускаются по плечамъ, свѣжее личико ея наклоняется надъ книгою. Сестра была развита не по годамъ; ей было тогда около десяти лѣтъ, она училась русскому, французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ, математикѣ, латыни, музыкѣ; учителя ее очень любили и превозносили восторженными похвалами. Она была очень серьезнаго характера, въ куклы никогда не играла и только изъ снисхожденія къ моей болѣзни по воскресеньямъ иногда играла со мною и забавляла меня. Я особенно любила, когда она мнѣ разсказывала какія-нибудь

сказки или повѣсти; она могла по цѣлымъ часамъ разсказывать читанное ею.

Въ семь часовъ сестра уходила, и я должна была засыпать. Одно злополучное воскресенье я съ вечера заснула, но проснулась прежде, чѣмъ моя милая Марья Андреевна возвратилась; много горькихъ слезъ я пролила, ожидая ее и воображая себѣ, что я никогда больше ея не увижу. Горничныя окружили меня, утѣшали, увѣряли, что Марья Андреевна сидитъ внизу у матушки и читаетъ ей книгу, но это было дотого неправдоподобно, что мнѣ просто сдѣлалось страшно. Матушка намъ всегда читала вслухъ, но кто же когда ей читаетъ, и я рыдала, пока отъ усталости не заснула.

Я оправилась отъ горячки только къ веснѣ; настала Пасха,—я проснулась довольно поздно въ Свѣтлое Христово Воскресенье; солнце играло сквозь опущенныя бѣлыя занавѣски, колокола звонили,—какое-то неуловимое сладостное чувство наполняло все мое существо; мнѣ было такъ хорошо, глядя на лучи солнца, что я боялась тронуться, чтобы не утратить этого радостнаго чувства безсознательнаго блаженства.

Какъ часто, позднѣе въ жизни, я старалась припомнить это ощущеніе, и какъ легко становилось на душѣ, когда удавалось уловить его на мгновенье...

Глава III.

Михайловское.

Какъ хороша была весна въ подмосковной, гдѣ мы нѣсколько разъ провели лѣто. Большой барскій домъ стоялъ на горѣ; у подошвы ея разстилался большой лугъ, на лугу текла Москва-рѣка; на той сторонѣ рѣки, направо на отлогомъ берегу высокій березнякъ, налѣво—крутой берегъ съ сосновою рощею. На лугу трава высокая, душистая и сколько цвѣтовъ, Боже мой, воздухъ былъ пропитанъ ихъ упоительнымъ запахомъ. Въ степныхъ деревняхъ Рязанской и Тульской губерній понятія не имѣютъ о такомъ ароматѣ.

За домомъ, на пригоркѣ, стояла церковь, окруженная березами; за нѣсколько саженъ отъ церкви была чаща изъ кленовъ; я всегда была порядочная трусиха и воображала себѣ, что эта чаща пристанище дикихъ звѣрей; братья на смѣхъ меня поддерживали въ этомъ глупомъ заблужденіи,—я никогда не смѣла входить въ эту чащу. Ниже церкви, налѣво, шла деревня; избы были хорошія, крытыя тесомъ; крестьянъ почти не видно было, они жили на

фабрикахъ, а женщины пахали, сѣяли, убирали хлѣбъ, даже дѣвушки ѣздили въ ночную верхомъ на лошадяхъ по-мужски. У священника былъ прехорошенькій домъ, съ фруктовымъ садомъ.

Около нашего дома цвѣтникъ былъ самый крошечный, сада не было, да его и не нужно было; около дома была огромная развѣсистая береза, подъ тѣнью которой вся наша семья сидѣла послѣ обѣда, и со всѣхъ сторонъ, за нѣсколько шаговъ были очаровательныя рощицы. Сейчасъ за церковью, направо начинался оврагъ, наполненный шиповникомъ, черемухою, ландышами, ночными фіалками; въ глубинѣ оврага текъ свѣтлый ручей по красивымъ камешкамъ, а на берегу его росли незабудки большія синія, какихъ я послѣ нигдѣ не видала. По другую сторону оврага была березовая роща, которую сестра называла своею; тамъ была природная бесѣдка, гдѣ она любила мечтать. Грибовъ и ягодъ было такое изобиліе въ этихъ мѣстахъ, словно въ сказкахъ.

Все это не прикрашено было дѣтскимъ воображеніемъ, я двадцати лѣтъ посѣтила эти милыя мѣста и нашла ихъ такими же очаровательными.

Кладбище тамъ было самое поэтичное на горѣ, осѣненное густыми елями и соснами, на могилахъ росъ можжевельникъ, видъ оттуда на Москву-рѣку и на десять верстъ кругомъ.

Домъ нашъ былъ прелестный, отецъ его выстроилъ въ порывѣ барской прихоти, и въ одномъ изъ этихъ порывовъ—бросилъ, уѣхалъ и не заботился больше о немъ. Онъ даже его не совершенно отстроилъ; нижній этажъ, каменный и верхній (третій) остались не доконченными. Подъѣзжали къ широкому крыльцу саженъ въ шесть изъ бѣлаго камня, съ двумя сфинксами по сторонамъ.—Изъ большой передней входили въ высокую, просторную гостиную, съ дверью на балконъ съ восьмью огромными колоннами. Изъ гостиной направо была дверь въ матушкины комнаты: маленькій розовый будуаръ съ бѣлыми кисейными занавѣсками и кабинетъ свѣтло-голубой съ бордюромъ изъ васильковъ; это была матушкина любимая комната,—видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Дальше шли наши дѣтскія комнаты, дѣвичья, чайная, буфетъ. Четыре лѣстницы вели къ двумъ антресолямъ и верхнему этажу. Отецъ, когда бывалъ съ нами, спалъ на антресоляхъ,—братья, гувернеръ ихъ, одна изъ нашихъ гувернантокъ жили въ верхнемъ этажѣ, обширномъ и удобномъ. Налѣво изъ гостиной былъ кабинетъ отца съ прекрасною тяжелою мебелью изъ цѣльнаго краснаго дерева, каминомъ изъ желтаго мрамора, уставленнымъ старинным саксонскимъ фарфоромъ. Изъ этого кабинета большая стеклянная дверь вела въ картинную галлерею, длиною въ 24 аршина, вышиною $7^1/_2$ арш. Кар-

тины большею частью Шнейдера представляли охоты; но были и другихъ мастеровъ и другіе сюжеты, взятые изъ исторіи; одна картина Казанова, другая Удри (старый охотникъ сидитъ въ лѣсу, у ногъ его двѣ прелестныя собаки Lise и Fine Lise, ихъ имена написаны внизу на полотнѣ); были картины Симонъ Шарденъ и другихъ. Сколько разъ ходила я по этой залѣ, глядя на картины. Одна, тогда мнѣ вовсе не понятная, особенно привлекала мое вниманіе; сынъ какого-то короля умираетъ отъ любви къ мачехѣ, отецъ, узнавъ о причинѣ болѣзни сына, вводитъ къ нему молодую жену свою. Меня поражало выраженіе больного при видѣ входящей королевы, я ничего не могла понять, что бы это могло значить, и долго стояла задумавшись передъ этой картиной, забывая, что я одна въ пустой залѣ... вдругъ оглянусь, испугаюсь чего-то и бѣгу вонъ безъ оглядки. Но опять меня привлекаютъ волшебныя картины, и я возвращаюсь къ нимъ и стараюсь разгадать ихъ таинственный смыслъ.—Гдѣ вы, дорогія изображенія... васъ даже нѣтъ въ краю родномъ, васъ купили англичане и увезли за море. Гдѣ ты, прелестный домъ, гдѣ я провела свѣтлые дни моего дѣтства? Тебя сорвали, свезли, уничтожили; только во снѣ иногда вижу тебя, хожу по твоимъ милымъ покоямъ, тревожно ищу, гдѣ бы пріютиться, и вдругъ полъ проваливается подъ моими ногами, все рушится вокругъ меня, и я просыпаюсь съ тяжелымъ чувствомъ, что ничего уже этого нѣтъ...

Въ этомъ же домѣ, когда мнѣ было лѣтъ шесть, я видѣла сонъ, который дотого поразилъ меня, что я его никогда не забыла. Вижу, что стою ночью у открытаго окна нашей дѣтской и гляжу на небо; вдругъ между мерцающими звѣздами показался черный крестъ; ужасъ и трепетъ охватилъ мое дѣтское сердце, я задрожала всѣмъ тѣломъ и стала молиться... Сонъ не имѣлъ ничего страшнаго,— отчего же этотъ внезапный ужасъ, отчего эта безсознательная молитва на дѣтскихъ устахъ? Не было ли это предчувствіе того горя, другого горя, которое ожидало меня въ жизни...

Послѣднее лѣто, что мы провели въ Михайловскомъ, мнѣ минуло семь лѣтъ. Старшій братъ и сестра тихонько отъ меня наканунѣ дня моего рожденія убрали зеленью и цвѣтами розовый будуаръ матушки, уставили столъ подарками и заперли дверь на ключъ. Я видѣла, что что-то торжественное, необычайное готовится; воображеніе мое, всегда пылкое, сильно работало; начитавшись дѣтскихъ повѣстей M-me de Genlis, я была увѣрена, что мнѣ подарятъ бѣлаго барашка съ розовою ленточкою на шеѣ, и стала мечтать, какъ я этого барашка пріучу за собою бѣгать.

Когда на другой день меня ввели въ будуаръ, и я увидѣла

массу подарковъ въ прелестной обстановкѣ, я была въ восторгѣ и совершенно забыла про бѣлаго барашка.—Тринадцать лѣтъ спустя я пріѣхала съ матушкою въ Михайловское и еще нашла засохшій вѣнокъ изъ васильковъ, привѣшенный братомъ къ бѣлой занавѣскѣ розоваго будуара.

Эта прелестная деревня была покинута нами, потому что отецъ, страстно любившій охоту, предпочиталъ жить лѣтомъ и осенью въ степной деревнѣ, гдѣ было много дичи и лучшія мѣста для травли волковъ. Когда мы переѣхали въ имѣніе Данковскаго уѣзда, на черноземъ, на плоскую мѣстность безъ овраговъ, безъ рѣки, безъ ручейковъ, мы съ тоски не знали, куда дѣться. Домъ одноэтажный, склеенный изъ нѣсколькихъ срубовъ, неуклюжій, некрасивый, казался намъ огромнымъ и непривѣтливымъ. Моя милая Марія Андреевна должно быть раздѣляла наше неудовольствіе, потому что я послѣ узнала, что у нея въ домѣ безпрестанно были самыя страшныя видѣнія, вѣроятно отъ сильнаго разстройства нервовъ.

Отецъ самъ убѣдился, что жить такъ невозможно, и на слѣдующее лѣто сталъ перестраивать домъ, а насъ перевезъ за пять верстъ въ имѣніе княгини Нат. Ив. Голицыной, двоюродной сестры моей матери, въ село Хаванщино, гдѣ мы оставались до осени.

Глава IV.

Это было въ 1829 году. Княгиня Голицына предоставила матушкѣ старый деревянный домъ, примкнутый къ большому, мрачному саду съ темными аллеями изъ вѣковыхъ липъ. Мы помѣстились въ немъ кое-какъ и провели тамъ лѣто.

Однажды вечеромъ, послѣ жаркаго іюньскаго дня, мы сидѣли на деревянномъ балконѣ этого дома; было душно, воздухъ казался неподвижнымъ. Матушка обратила наше вниманіе на грозовыя тучи, которыя собирались на горизонтѣ и медленно подвигались впередъ. Одно бѣлесоватое облачко отдѣлилось отъ другихъ и шло прямо на насъ, опускаясь все ниже, ниже, такъ низко, что казалось, вотъ-вотъ сейчасъ задѣнетъ и унесетъ насъ. Матушка встала, говоря: „войдите, будетъ буря“. Не успѣла она сказать этихъ словъ, какъ облако быстро понеслось впередъ, пыль взвилась столбомъ, все потемнѣло, страшный вихрь съ оглушающимъ шумомъ ворвался въ старый домъ, всѣ рамы оконъ стараго фасада полетѣли во внутрь комнатъ, стекла съ трескомъ разбились, двери со скрипомъ растворялись, сильный дождикъ, гонимый вѣтромъ, мгновенно залилъ полы, градъ какъ изъ совка сыпалъ въ отверстіе оконъ. Матушка

схватила меня за руку, и мы вбѣжали въ домъ, ступая по разбитымъ стекламъ, шлепая по водѣ, перебрались на другую сторону нашего жилища, боясь, чтобы все ветхое строеніе не обрушилось на насъ.

Матушка, старшій братъ и старый нѣмецъ (Филиппъ Антоновичъ), наша единственная мужская прислуга, держали двери со всѣхъ силъ, чтобы не дать вѣтру и дождю ворваться на другую сторону дома, гдѣ мы укрылись. Удары грома были оглушительные, а когда раскаты умолкали, мы слышали страшный вой вѣтра и трескъ валившихся вѣковыхъ деревьевъ. Мы забились въ дѣвичью; горничныя крестились и охали, я, вся въ слезахъ, сидѣла на колѣняхъ нашей англичанки, обезумѣвшей отъ страха. Вдругъ я вспомнила, что любимая кукла моя осталась въ гостиной, и стала громко о ней плакать. Сестра, не говоря ни слова, пошла въ комнаты, залитыя дождемъ, гдѣ вѣтеръ и градъ бушевали, и принесла мнѣ куклу; я съ радостью и изумленіемъ схватила ее въ свои объятья, перестала плакать, а на сестру съ тѣхъ поръ смотрѣла какъ на героя.

Часа черезъ два буря утихла, всѣ успокоились, я выползла изъ дѣвичьей и какъ теперь вижу картину передъ собой: грозовыя тучи быстро разбѣгались, красная полоса потухающей зари освѣщала землю, ручьи текли со всѣхъ сторонъ, вездѣ бѣлѣли груды града, слышалось мычанье перепуганнаго стада, бѣгущаго съ разныхъ направленій домой; крестьяне въ нѣмомъ отчаяньи искали коровъ и овецъ и многихъ не досчитывались; соломенныя крыши были сорваны, всѣ поля дочиста выбиты. Вдали на берегу вздувшейся рѣчки толпа собиралась около чего-то неподвижнаго... двухъ дѣтей убило градомъ... Градъ былъ величиною въ грецкій орѣхъ и недѣлю спустя еще лежалъ въ темныхъ аллеяхъ сада.

Управляющаго кн. Голицыной, Як. Фел. Сущевскаго гроза застала въ полѣ; онъ спасся только тѣмъ, что отпрягъ лошадь, привязалъ ее къ дрожкамъ, покрывъ ее ковромъ, а самъ сѣлъ подъ дрожки и такъ оставался, пока буря свирѣпствовала.

На другой день утромъ матушка послала старшаго брата верхомъ въ наше имѣніе узнать, что тамъ случилось,—наша земля была смежная съ землею кн. Голицыной, мы узнали съ удивленіемъ, что у насъ даже дождя не было,—у нашей межи остановилось страшное опустошеніе.

Глава V.

Когда мы жили въ Москвѣ, матушка, совершенно преданная нашему воспитанію, почти совсѣмъ не выѣзжала, ѣздила только къ бабушкѣ или вечеромъ, когда мы ложились спать, къ Елиз. Евг. Кашкиной, съ которой была очень дружна. Къ намъ тоже рѣдко кто ѣздилъ. Изъ дѣтей мы иногда по воскресеніямъ видѣлись съ двоюродными братьями и сестрами Муромцевыми и Панкратьевыми. Я была дружна съ Линой Панкратьевой и страшно ее любила; намъ было шесть лѣтъ, когда мы разстались, и я не переставала о ней думать съ какимъ-то особенно нѣжнымъ чувствомъ. Мы свидѣлись много лѣтъ послѣ, когда уже обѣимъ было за тридцать, и что же, сердце мое сильно забилось, когда я увидѣла подъѣзжающую ея карету: я побѣжала навстрѣчу Линѣ и бросилась къ ней на шею, какъ къ старому другу.

Матушкины сестры не долго жили въ Москвѣ, уѣхали въ Саратовъ, и мы никакихъ больше дѣтей не видали въ продолженіе четырехъ лѣтъ, наше воспитаніе было вполнѣ замкнутое, но мы вовсе не скучали и не желали ѣздить въ гости. Матушка въ рѣдкіе свои выѣзды брала иногда съ собою моего старшаго брата, чтобы не оставлять его дома безъ присмотра. Онъ былъ чрезвычайно добрый мальчикъ, свѣжій, румяный и такой исполинской силы, что гувернантки наши не могли съ нимъ сладить. Ему было лѣтъ семь, когда Марья Андреевна вздумала въ наказаніе посадить его въ шкапъ,—вмѣсто того, онъ ее туда втолкнулъ и заперъ. Обоимъ братьямъ давали суровое воспитаніе, чтобы укрѣпить ихъ здоровье; ходили они до десяти лѣтъ босикомъ, лѣтомъ ихъ заставляли бѣгать безъ шапокъ въ проливной дождикъ или ставили подъ водосточныя трубы, а зимою обували ихъ только, когда ходили гулять. Это воспитаніе вполнѣ удалось, они были здоровые, плотные, краснощекіе мальчики.

Бартеньева—замѣчательная личность; чѣмъ она жила, никто не зналъ, и она сама не знала; имѣла четырехмѣстную карету, четверню лошадей, крѣпостного кучера, форейтора и лакея; съ утра карета закладывалась, и Бартеньева, какъ только вставала съ постели, забирала съ собой всѣхъ дѣтей и отправлялась къ знакомымъ, у кого чай пить, у кого обѣдать и ужинать. Старшая дочь была музыкантша, имѣла чудесный голосъ, который привлекъ вниманіе Императрицы Александры Ѳеодоровны. Она ее пожаловала въ фрейлины, взяла ко двору, а послѣ, по ея просьбѣ, взяла и вторую сестру ея, а послѣ смерти матери Бартеньевой мень-

шихъ велѣла принять въ Екатерининскій институтъ. Въ то время, о которомъ я пишу, Pauline Бартеньева была еще при матери, которая ее возила на всѣ московскіе балы. Передъ баломъ мать заставляла ее, уже совсѣмъ одѣтую, класть земные поклоны передъ кіотомъ и прикладываться ко всѣмъ образамъ. Напрасно дочь умоляла ее избавить отъ этого обряда, обѣщая исполнить его по возвращеніи съ бала, мать была неумолима. Когда она съ старшею дочерью выѣзжала, то меньшихъ дѣтей (счетомъ до пяти) забирала съ собою и оставляла въ каретѣ, огромномъ четырехмѣстномъ рыдванѣ, гдѣ они ночевали. Они брали съ собою съѣстные припасы, такъ что у нихъ въ каретѣ завелись крысы. Когда балъ давался у коротко-знакомыхъ, дѣтей посылали во внутреннія комнаты. Разъ при разъѣздѣ одной дѣвочки не досчитались, ищутъ, ищутъ,—не находятъ. Бартеньева приходила въ отчаяніе: она была очень нѣжная мать. Когда гости поразъѣхались, и шубы разобрали. дѣвочку подъ ними нашли, она въ каретѣ озябла, вошла погрѣться и заснула подъ теплыми мѣхами. Въ одномъ знакомомъ домѣ были еженедѣльные танцовальные вечера, куда Бартеньева всегда ѣздила, а напротивъ этого дома жили другіе знакомые, куда она завозила дѣтей, отправляясь на вечеръ. Эти знакомые съѣхали; Бартеньева, не зная этого, завезла въ тотъ же домъ дѣтей, а сама уѣхала. Представьте удивленіе новыхъ жильцовъ при видѣ толпы незнакомыхъ дѣтей, вбѣгающихъ къ нимъ вечеромъ. Дѣти учтиво раскланялись, назвались, имя ихъ было всѣмъ извѣстно; ихъ напоили чаемъ, накормили и уложили спать по диванамъ до пріѣзда матери. Надо сказать, что это были необыкновенно скромныя и тихія дѣти, несмотря на то, что не получали никакого воспитанія, и у всѣхъ были замѣчательныя музыкальныя способности.

Первый разъ, какъ я видѣла Бартеньеву, она меня поразила своею странною внѣшностью. Мы обѣдали у Елисаветы Евгеньевны Кашкиной, — посреди обѣда дверь отворилась, и вошла Бартеньева съ многочисленными своими дѣтьми; на ней было старое, полинялое платье, полуоткрытое, безъ корсета, безъ воротничка и мантильи; волосы были въ безпорядкѣ, глаза какъ-то мутно и тускло смотрѣли; она имѣла видъ слегка помѣшанной. Дѣтей сейчасъ посадили за столъ и накормили; меня съ ними познакомили, и я ихъ полюбила и всегда весело съ ними проводила время. Бартеньеву вообще любили и, должно быть, ей помогали, потому что имѣніе ея было давно промотано и средствъ никакихъ у нея не было. Старшая дочь очень, кажется, страдала своимъ неловкимъ положеніемъ и кочевою жизнью; она была очень довольна, когда ее взяли ко Двору. Сыновья умерли въ 1883 г. Дочери были всѣ воспитаны впослѣдствіи

въ институтѣ на казенный счетъ и взяты послѣ ко Двору. Pauline умерла старой дѣвой, вторая, Марія, была замужемъ за Нарышкинымъ; двѣ меньшія и теперь при дворѣ Вел. Княгини. Мужъ Бартеньевой также проводилъ всѣ дни въ гостяхъ, но онъ являлся всегда одинъ и старался не встрѣчаться съ женою. Онъ былъ чопорный аккуратный старичекъ, тщательно одѣтый и со взбитымъ хохломъ; его главное удовольствіе было развозить всякія сплетни, и онъ былъ счастливъ, когда могъ первый сообщить какую-нибудь новость.

Глава VI.

Зарайскъ.

Весною того же года отецъ заболѣлъ нервною болѣзнью, которая на нѣсколько мѣсяцевъ измѣнила обыкновенный порядокъ нашей жизни. Ѣхавши въ деревню, отецъ занемогъ въ Зарайскѣ; матушка тотчасъ поѣхала къ нему съ меньшимъ моимъ братомъ, семилѣтнимъ мальчикомъ, котораго какъ большого шалуна, боялась оставить безъ себя, а меня, сестру и старшаго брата оставила въ Москвѣ съ гувернанткой, пока она устраивалась, чтобы провести лѣто въ Зарайскѣ.

Мы, какъ дѣти, были рады неожиданной перемѣнѣ. Черезъ двѣ недѣли матушка выписала насъ къ себѣ; мы поѣхали на своихъ лошадяхъ въ огромной каретѣ. Кашкины надавали намъ фруктовъ, конфектъ и всякой провизіи на дорогу, мы запаслись книгами и весело пустились въ путь. Братъ Александръ сидѣлъ около кучера, а старый лакей сзади на тюфякѣ, привязанномъ на запяткахъ кареты.

Графъ Левъ Толстой правъ, описывая такъ поэтично путешествіе на долгихъ. Лѣтомъ (только не зимою), въ хорошую погоду, да надо прибавить въ первой молодости, это очень весело. Мы останавливались ночевать на постояломъ дворѣ, выкладывали чашки, чайники, провизію, дѣлали чай, иногда варили сами яичницу и спали на свѣжемъ сѣнѣ. Сестра и я забавлялись, читая стихи и разный вздоръ, написанный проѣзжими на стѣнахъ, но впослѣдствіи это намъ запретили, потому что часто попадались стихи и проза нецензурные. Эти постоялые дворы были чисты, но бѣдно меблированы; столъ, зеркальце, два—три стула, иногда жесткій диванъ, часы съ гирями, иногда съ кукушкой, къ вящшему нашему удовольствію. Утромъ мы выѣзжали съ восходомъ солнца и, проѣхавъ 35 верстъ, опять давали отдыхать лошадямъ, сами обѣдали, и если по

близости была рѣка, ходили купаться, а остальное время болтали между собою, играли въ jeux d'esprit или читали. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку.

Мы пріѣхали въ Зарайскъ на третьи сутки. Домъ, нанятый матушкою, былъ на другомъ концѣ города на выѣздѣ, за нимъ уже начиналось поле. Матушка выбѣжала къ намъ навстрѣчу и, обнявъ насъ, приказала какъ можно тише войти, потому что отецъ не терпѣлъ ни малѣйшаго шума и былъ очень боленъ; онъ занималъ гостиную и залу, насъ размѣстили довольно тѣсно по другимъ комнатамъ; обѣдали мы въ дѣвичьей и весь день проводили въ саду, гдѣ брали уроки, чтобы отца не безпокоить. Насъ изрѣдка къ нему вводили на минутку, но мы старались скорѣе уйти, потому что онъ былъ ужасно раздражителенъ, и мы его боялись. Нервы его были страшно потрясены, глаза мутные, голосъ слабъ. На его счастье въ Зарайскѣ былъ отличный военный медикъ, славившійся во всемъ уѣздѣ. Василій Васильевичъ Георгіевскій былъ замѣчателенъ своими медицинскими знаніями, честностью, безкорыстіемъ и лаконическими отвѣтами. Лѣкарствъ онъ давалъ очень мало, но предписывалъ строгую діэту, и если больной не повиновался, онъ уходилъ и не возвращался болѣе. Отецъ его спрашивалъ, что ему пить. Ключевой воды, воды ключевой, отвѣчалъ медикъ. „Да это что за питье", возражалъ раздражительный отецъ,—позвольте что-нибудь другое.—Ключевой воды, воды ключевой, повторилъ Георгіевскій, поклонился и вышелъ.

Про него разсказывали много правдивыхъ анекдотовъ: онъ вылѣчилъ сумасшедшаго, единственнаго сына богатой помѣщицы; она въ знакъ благодарности принесла ему тридцать тысячъ рублей. Онъ отсчиталъ пять тысячъ, а остальныя возвратилъ и ничего болѣе принять не хотѣлъ, какъ ни просила его благодарная мать.

Другого больного онъ вылѣчилъ самымъ страннымъ способомъ. „Прикажите, говоритъ ему, чтобы ваши слуги меня слушались больше васъ". Удивленный больной позвалъ людей и отдалъ требуемое приказаніе. „Бейте барина кулаками", приказалъ Георгіевскій. Тѣ можетъ быть не безъ удовольствія намяли барину бока; эта операція повторялась нѣсколько дней сряду, и баринъ выздоровѣлъ.

Георгіевскій составилъ себѣ такую славу, что издалека толпами пріѣзжали лѣчиться у него. Городъ разбогатѣлъ, обстроился, аптекарь разжился, но, несмотря на свое занятіе, Георгіевскій остался всю жизнь городскимъ врачемъ уѣзднаго города. Онъ пилъ запоемъ, недѣли по три сряду. На него находила тоска, и онъ тогда запирался къ себѣ въ комнату и пилъ мертвую. Когда его призывали къ больному, онъ прежде всего обнажалъ его руку отъ

локтя къ плечу и по верхней части руки судилъ объ организмѣ человѣка.

Отецъ и матушка сохранили къ нему величайшее довѣріе, и въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самой смерти Георгіевскаго, какъ только кто занемогалъ въ семьѣ, его сейчасъ везли къ Георгіевскому. Онъ былъ средняго роста, очень плотный, лицо круглое, полное, красное, глаза свѣтлые на выкатѣ, безъ блеска.

Глава VII.

Съ одиннадцати лѣтъ мы должны были вставать круглый годъ въ пять часовъ утра и готовить уроки. Я спала въ одной комнатѣ съ сестрою и, какъ младшая, должна была вставать въ половинѣ пятаго, идти въ дѣвичью, будить горничную, которая приносила огня изъ кухни. Съ какимъ наслажденіемъ я, дрожа отъ холода, опять ложилась въ теплую постель и спала до прихода дѣвушки со свѣчкою. Тогда не было благодѣтельныхъ сѣрныхъ спичекъ. У отца въ кабинетѣ на столѣ была какая-то довольно красивая машинка со склянкою фосфора и спичками, которыя загорались, когда ихъ обмакивали въ склянку. Я всегда съ завистью на нее смотрѣла и думала, сколько лишнихъ минутъ я бы могла проспать, если бы эти спички были въ моей власти. Мы рѣшились съ сестрой овладѣть этою драгоцѣнностью и послѣ долгихъ колебаній выпросили ее у отца. На другое утро я просыпаюсь въ урочный часъ и, нѣжась въ постели, зову сестру,—спички стояли около нея, она раскупорила склянку, обмакнула въ нее спичку, комната мгновенно освѣтилась, но, ахъ, капля горючаго фосфора упала на прочія спички, онѣ ярко вспыхнули, мигомъ сгорѣли... Мы вскрикнули отъ ужаса и остались въ глубокой темнотѣ. Прощай, мой покой, опять пришлось вставать въ половинѣ пятаго и ощупью ходить въ дѣвичью за огнемъ.

Въ семь часовъ приходилъ нѣмецкій учитель, мы его ненавидѣли за его аккуратность, онъ никогда не манкировалъ ни одного урока и являлся при первомъ ударѣ семи часовъ. Въ восемь мы завтракали, чаю намъ не давали до четырнадцати лѣтъ, ѣли мы неизмѣнно за завтракомъ размазню изъ гречневой крупы и жареный на сковородѣ картофель, лѣтомъ давали намъ въ придачу масло. Отъ девяти до двѣнадцати я училась съ нашей гувернанткой Алекс. Васил. Сахаровой, она давала мнѣ уроки французскаго и итальянскаго языка, исторіи и чистописанія. Она отпирала свою дверь въ 9 часовъ, а до того времени ея комната была недоступна

для насъ. Алекс. Вас. была не глупая, бойкая, вертлявая, маленькая женщина, лѣтъ 35, она воспитывалась частью у Маріи Антоновны Нарышкиной, частью въ Екатерининскомъ институтѣ, а по выходѣ жила компаньонкой въ богатомъ домѣ Анненковой, о которой вела безконечные разсказы. Она часто говорила, какъ красивъ, уменъ и милъ былъ Анненковъ, сосланный за 14 декабря. Алекс. Васильевна учила меня очень плохо по-французски, заставляла твердить много стиховъ наизусть и декламировать съ жестами отрывки изъ трагедій Расина и комедій Мольера. Когда я читала вслухъ всеобщую исторію Сегюра (въ 30 томахъ), она никогда не слушала, занималась работою, и послѣ по книгѣ спрашивала прочитанное. Въ этой пространной исторіи были подробности очень непристойныя, приходилось читать сцены разврата Эліогобала, безпорядки Мессалины, и хотя я всего вполнѣ не могла понять, но сознавала, что все это неприлично, и мнѣ просто совѣстно было читать. Я останавливалась, кашляла, поглядывала на гувернантку, но она ничего не замѣчала, и я или продолжала читать или пропускала нѣсколько страницъ. Разъ въ наказаніе за плохо выученный урокъ, она мнѣ не позволила переодѣться къ обѣду, какъ обыкновенно, и велѣла придти къ столу въ утренней блузѣ; это было въ деревнѣ, у насъ были гости, и она думала страшно уязвить мое тщеславіе. Во время обѣда, одна изъ пріѣзжихъ сосѣдокъ долго на меня глядѣла, и я уже думала, что ее поражаетъ мой туалетъ, когда она, обратившись къ матушкѣ, громко сказала: „какъ ваша меньшая дочь хороша собой“. Я улыбнулась, бросила съ боку взглядъ на Сахарову и подумала: „какъ твое наказаніе удалось, голубушка“. Съ тѣхъ поръ оно не повторялось.

Александра Васильевна то кокетничала съ гувернерами братьевъ, то подтрунивала надъ ними. Гувернера-нѣмца она называла „l'âne mort“, а студента, жившаго у насъ—„l'âne vivant“. Этотъ послѣдній давалъ мнѣ уроки русскаго языка и географіи. Студенты, которые у насъ перебывали въ домѣ, были пустые люди; я не помню, чтобы они когда-либо говорили объ университетѣ или старались внушить братьямъ любовь къ наукѣ. Одинъ изъ нихъ (именно l'âne vivant) писалъ очень плохіе стихи и считалъ себя великимъ поэтомъ, другой ничѣмъ не занимался, кромѣ ухаживанія за нашей гувернанткой. Разъ въ Москвѣ онъ уговорилъ моего старшаго брата, которому было 16 лѣтъ, войти съ нимъ въ трактиръ напиться чаю;—это дошло до матушки, ему сейчасъ отказали, и вся Москва заговорила объ этомъ происшествіи, которое долго отъ меня скрывали, какъ нѣчто ужасное.

Кромѣ жившихъ у насъ, къ намъ ходили учителя музыки и ри-

сованія для сестры и для меня, учитель математики для брата и сестры и учительница танцевъ для насъ всѣхъ; прежде была m-me Hulin, послѣ Воронина-Иванова; онѣ обѣ очень любили и хвалили старшаго брата, который прекрасно танцовалъ. Мы учились танцовать вчетверомъ, т. е. совершенно одни; насъ учили les danses de caractère, le châle, le menuet, la gavotte, la catchoutche и русскую. Это было очень скучно, и мы этихъ уроковъ не терпѣли.

Всѣ прочіе учителя предпочитали мою сестру; она всему училась прекрасно, очень хорошо играла на фортепьяно, но главный ея талантъ былъ къ рисованію; она впослѣдствіи посылала свои акварели въ Петербургъ на выставку и получила дипломъ художника. Учитель рисованія предсказывалъ, что она будетъ вторая Анжелика Кауфманъ, но, вышедши замужъ 17 лѣтъ за Ивана Артемьевича Раевскаго, она не могла при многочисленной семьѣ заниматься серьезною живописью; она бросила масляныя краски и рисовала только акварелью.

Несмотря на явное предпочтеніе родителей къ сестрѣ и ко мнѣ, братья насъ очень любили, потому что мы часто выручали ихъ изъ бѣдъ, да и сами ихъ очень любили, особенно старшаго; это былъ добрѣйшій мальчикъ, всегда готовый услужить или сдѣлать удовольствіе, кому только могъ. Онъ разъ отдалъ послѣднія свои деньги, чтобы къ рожденію сдѣлать мнѣ подарокъ, и заказалъ для меня зеленый граденаплевый фартукъ съ лифомъ, какъ тогда носили и котораго мнѣ ужасно хотѣлось. Помню мое удивленіе и восторгъ, когда портной Драмидонъ принесъ этотъ фартукъ и сказалъ: „Александръ Ивановичъ изволили для васъ заказывать“. Этотъ портной былъ крѣпостной человѣкъ г-жи Горяйновой; портнихъ тогда еще ни у кого не было, только нѣсколько лѣтъ спустя стали, къ несчастію, отдавать дѣвушекъ въ ученіе, и рѣдкая изъ нихъ не погибала. Я побѣжала къ брату и бросилась къ нему на шею.

Старшій братъ часто готовилъ вмѣстѣ съ нами уроки по утрамъ; у насъ невсегда были часы, случалось, что мы поднимались такъ рано, что кончали приготовительные уроки до разсвѣта,—тогда я ложилась на диванъ въ классной и съ наслажденіемъ спала до семи часовъ. Сестрѣ предстоялъ бо́льшій подвигъ, чѣмъ мнѣ, она должна была съ пяти часовъ до семи играть на фортепьяно, это было ужасно непріятно, и она часто засыпала, склоня голову на ноты. Не слыша звуковъ музыки, я бѣжала внизъ будить ее. Такъ мы тихо и дружно начинали утро каждаго дня, и я не помню, чтобы мы когда-нибудь поссорились или напалили, или проспали время уроковъ. Матушка насъ пріучила къ повиновенію старшей

сестрѣ, и такъ какъ она была очень степеннаго характера, то между нами никакихъ шалостей и быть не могло. Второй братъ былъ большой шалунъ, но моложе меня почти тремя годами, онъ не учился съ нами.

Когда мы осенью поздно оставались въ деревнѣ, Александра Васильевна, съ позволенія матушки, устраивала живыя картины, шарады, сцены изъ русскихъ и французскихъ комедій. Эти увеселенія готовились, обыкновенно, къ рожденію сестры 3-го октября и ея именинамъ 24 ноября. Тогда въ началѣ ноября всегда былъ санный путь, обозы отправлялись въ Москву съ ржаною мукою и привозили къ именинамъ сестры разныя угощенія для гостей и для нашихъ представленій. Мы ждали этихъ чиселъ съ нетерпѣніемъ, и приготовленія были веселѣе самого праздника; мы учили роли, готовили декораціи, клеили короны, шлемы и щиты изъ картона съ золотой бумагой, вытаскивали всякое тряпье изъ сундуковъ для костюмовъ, выписывали стихи для поднесенія гостямъ; учитель русскаго языка, домашній поэтъ, самъ сочинялъ стихи по заданной темѣ; бѣготни, суетни и смѣху было на двѣ недѣли. Отецъ иногда принималъ участіе въ шарадахъ, а матушка была только зрительницей и наслаждалась подвигами дѣтей своихъ. Сосѣди съѣзжались въ эти торжественные дни и послѣ представленій танцовали, во сколько паръ приходилось, а за недостаткомъ кавалеровъ иногда и дама съ дамой. Разъ посреди бала вызвали старшаго брата, чтобы сказать, что одинъ изъ крестьянъ сильно ушибъ ногу; онъ, не думая ни минуты, надѣлъ шубу, пошелъ на деревню, довольно далеко отъ дома, перевязалъ ногу мужику и воротился, не говоря никому ни слова, какъ будто исполнилъ простую обязанность. Матушка, замѣтивъ его отсутствіе, узнала отъ прислуги, куда онъ уходилъ. Милый, добрый братъ.

Глава VIII.

Сосѣди.

Изъ сосѣднихъ помѣщиковъ къ намъ ѣзжалъ часто Алексѣй Александровичъ Писаревъ, котораго помню только старикомъ; ему было 54 года въ 1831 году, онъ былъ мичманомъ въ отставкѣ, но слылъ все еще завиднымъ женихомъ, потому что былъ богатъ. Онъ ухаживалъ за Софіею Ивановною Шнейдеръ, очень хорошенькой 17-лѣтней дѣвушкой и пѣвалъ ей дребезжащимъ голосомъ:

Привычка видѣть ежедневно
Тебя, о, другъ души моей, и т. д.

Она его не терпѣла, но, все-таки, вышла за него замужъ по приказанію отца. Сестра и я были на ихъ свадьбѣ, которая болѣе походила на похороны; за то, когда старикъ умеръ спустя 23 года, его похороны походили на свадьбу и, вдова его, такъ долго ждавшая освобожденія, сейчасъ же вышла замужъ за Владиміра Артемьевича Раевскаго, деверя моей сестры.

Старшая сестра Софьи Ивановны Писаревой была замужемъ за Дмитріемъ Михайловичемъ Колпинскимъ (побочный сынъ кн. Шаховского), онъ былъ храбрый воинъ, раненый въ 12-мъ году, полковникъ въ отставкѣ и ходилъ на костыляхъ. Во время похода онъ влюбился въ хорошенькую польку, умную и кроткую, она перешла въ православіе, чтобы выйти замужъ за Колпинскаго, и они жили въ пяти верстахъ отъ насъ. У нихъ было восемь человѣкъ дѣтей, и хотя состояніе было небольшое (кн. Шаховской далъ сыну деревеньку въ 60 душъ), но благодаря порядку и бережливости хозяйки, они жили въ довольствѣ и счастливо, пока не вмѣшалось въ ихъ дѣла семейство Шнейдеръ. Отецъ Шнейдеръ былъ дурной человѣкъ, у него ничего не было святого, и всѣ средства хороши для достиженія цѣли. Онъ ловилъ жениховъ для дочерей своихъ и обиралъ, кого могъ. Старшая дочь его, Катерина Ивановна, была дурна собою, но высокая, стройная, умная и нравственно походила на отца. Она такъ ловко обошла Дмитрія Михайловича, что онъ влюбился въ нее по уши. Несчастная жена все видѣла, но ничему препятствовать не могла. Она вскорѣ умерла съ горя послѣ родовъ. Говорятъ—ее отравили... Все было возможно... Шесть недѣль послѣ ея смерти, мужъ женился на Катеринѣ Ивановнѣ. Все въ домѣ пошло иначе; чтобы прослыть доброй мачехой, Катерина Ивановна потребовала, чтобы Дмитрій Михайловичъ взялъ домой трехъ старшихъ дочерей, которыя воспитывались у кн. Шаховской, но тѣмъ и кончились ея заботы о дѣтяхъ мужа. Сыновья были въ кадетскомъ корпусѣ въ Москвѣ и воспитывались на казенный счетъ. Падчерицы дрожали передъ грозной мачехою, которая сурово и круто съ ними обращалась, носила платья ихъ покойной матери, тратила нажитое ею добро и накопленное приданое для дочерей. Мачеха видѣла падчерицъ только за обѣдомъ, не подпускала ихъ къ своимъ дѣтямъ, ругала и била, когда одна изъ этихъ несчастныхъ попадалась ей; въ одну изъ меньшихъ она бросила графиномъ, попала ей въ голову, дѣвочка начала чахнуть и черезъ нѣсколько времени умерла. Дмитрій Михайловичъ былъ крайне несчастливъ, добрый и безхарактерный, онъ не умѣлъ обуздывать жены.

Десять лѣтъ онъ жилъ съ нею, и они все бѣднѣли, бѣднѣли отъ

безпорядка и расточительности Катерины Ивановны. У нея своихъ дѣтей было шестеро. Дмитрій Михайловичъ былъ долго боленъ передъ смертью, раны его открылись, онъ очень страдалъ. Во время его болѣзни Катерина Ивановна часто ночью выбѣгала изъ спальни мужа и уходила къ своимъ дѣтямъ. Когда няня ее спрашивала, чего она испугалась, она отвѣчала: „Проклятая полька мнѣ спать не даетъ“. Ей казалось, что покойная жена ея мужа сидитъ у нея на кровати и укоризненно на нее глядитъ...

Старшая дочь Дмитрія Михайловича еще при жизни отца вышла замужъ за сосѣда Алексѣя Александровича Ильина. Когда ее одѣвали къ вѣнцу, она залилась слезами и сказала: „Боже мой. Ну что, я изъ одного ада въ другой попаду“. Такъ и случилось.

Двѣ изъ меньшихъ, Анетъ и Варенька, жили то у насъ, то у родственницы нашей, Татьяны Васильевны Бибиковой, замѣчательной въ своемъ родѣ женщины. Она росла сиротою въ чужой семьѣ, никѣмъ не обласканная, что̀ оставило на ея правильныхъ чертахъ ледяное выраженіе и холодную сдержанность въ обхожденіи. Она очень молодою вышла замужъ за старика Василія Ивановича Бибикова, дальняго родственника моего отца, и сейчасъ посвятила себя въ старухи. Какой-то французскій авторъ сказалъ: „les femmes mettent souvent de la vertu dans la manière de porter leur bonnet“. Татьяна Васильевна вполнѣ оправдывала это изреченіе; она полагала, что всѣ пороки женщинъ происходятъ отъ корсета, и вышедши замужъ, первою обязанностью сочла бросить „ce vêtement vicieux“. Она была хороша собою, но уродовала себя холоднымъ и принужденнымъ выраженіемъ лица,—волосы ея были прекрасны,—она ихъ прятала подъ старомодный чепчикъ; она была музыкантша и никогда не занималась музыкой. Съ мужемъ она обращалась холодно, съ дочерью сурово, а сына баловала донельзя. Она по цѣлымъ часамъ молилась Богу, и я увѣрена, что эта женщина очень страдала, была несчастна и, не желая, дѣлала другихъ несчастными. Мужъ и дочь ея боялись, никогда ей не возражали, были покорны и кротки. Василій Ивановичъ получалъ „Московскія вѣдомости“ съ незапамятныхъ временъ; это была единственная газета того времени,—она получалась разъ въ недѣлю отдѣльными большими листами изъ сѣрой бумаги, съ множествомъ сенатскихъ объявленій; эти листы сшивались, и они составляли толстую тетрадь. Кто-то разъ пріѣзжаетъ и видитъ, что Василій Ивановичъ стоитъ сконфуженный у печки, прижавшись къ ней животомъ. (Онъ былъ не высокаго роста, толстый старичекъ, бѣлый, какъ лунь). Онъ здоровается съ пріѣзжимъ, не мѣняя положенія. „Что это вы, Василій Ивановичъ, или нездоровы“.—Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, добро-

душно улыбаясь, я здоровъ,—но вотъ случилась бѣда... я пролилъ стаканъ воды на „Московскія вѣдомости“,—хочу посушить ихъ, а то Татьяна Васильевна... не довольна будетъ...

Дочь рѣдко ѣздила къ намъ съ матерью, а чаще съ теткою, сестрою матери, которая также боялась сестры; онѣ никогда не смѣли оставаться долѣе назначеннаго Татьяною Васильевною часа. Когда урочное время подходило, Елена Васильевна начинала сильно волноваться, приказывала подавать лошадей и торопливо уѣзжала домой.

Въ то время въ Тульской губерніи стояли полки по деревнямъ на зимовкѣ. Офицерамъ и юнкерамъ обыкновенно помѣщики отводили комнаты во флигеляхъ, когда таковые были, или въ своемъ домѣ, когда были лишнія комнаты, и эти молодые люди приглашались къ барскому столу. У Бибиковыхъ въ Себинѣ стоялъ юнкеръ; ему дали комнату во флигелѣ, обѣдать онъ приходилъ въ домъ. Очень скромный и застѣнчивый, довольно красивый, онъ никогда ни съ кѣмъ не начиналъ разговора. Татьяна Васильевна иногда холодно къ нему обращалась съ вопросами. Узнавъ, что онъ сынъ очень бѣдныхъ родителей, она велѣла ему сшить все необходимое бѣлье. Прошла зима. Несмотря на молчаливость юнкера, онъ очень понравился молодой дѣвушкѣ, но конечно она это чувство тайно хранила въ глубинѣ сердца и только изрѣдка обмѣнивалась скромнымъ взглядомъ съ молодымъ юнкеромъ. Передъ уходомъ войска, весною Татьяна Васильевна позвала дочь къ себѣ въ комнату: „Ты выйдешь замужъ за Р., сказала она ей коротко и холодно,—но прошу ни слова съ нимъ не говорить,— онъ имѣетъ мое согласіе и завтра уѣзжаетъ“.

Дочь затаила радостный трепетъ своего сердца, наклонила покорно голову, такъ какъ мать ничего болѣе не сказала, молча ушла въ свою комнату и въ сильномъ волненіи то ходила, то садилась, обдумывая свое счастье и странныя слова матери. Темнѣло. Она услыхала шаги въ саду, подошла къ окну; юнкеръ проходилъ мимо,—онъ поднялъ голову, бросилъ длинный, нѣжный взглядъ на молодую дѣвушку, и, не останавливаясь, прошелъ. Она долго стояла, какъ вкопанная, глядя ему въ слѣдъ; ей и въ голову не пришло сдѣлать ему знакъ, или сойти въ садъ, или написать ему два слова,—она вполнѣ и безропотно покорялась волѣ матери...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ;—Р. писалъ изрѣдка Татьянѣ Васильевнѣ, она его писемъ не показывала. Письма прекратились. Второй разъ Татьяна Васильевна позвала дочь къ себѣ въ комнату; что-то въ родѣ чувства жалости было на ея ледяномъ лицѣ: „женихъ твой умеръ, сказала она твердымъ голосомъ,—умеръ отъ

тифа". Дочь не выдержала, упала въ обморокъ. Мать больше никогда о немъ не говорила съ ней.

Глава IX.

Бабушка.

Въ свѣтло-Христово Воскресенье насъ возили христосоваться съ бабушкою Екатериною Алексѣевною Бибиковой. Она всегда принимала насъ ласково и дарила намъ прекрасныя яица, но мы все-таки не любили къ ней ѣздить; надо было сидѣть чинно, не шумѣть, и когда послѣ обѣда посылали насъ играть въ другія комнаты, приходилось придумывать особенныя игры, чтобы никакой звукъ не долеталъ изъ великолѣпныхъ гостиныхъ до спальни, гдѣ бабушка всегда сидѣла. Разъ мы, забывшись, расшумѣлись съ двоюродными братьями и сестрами; вдругъ двери отворились, бабушка показалась на порогѣ; мы всѣ онѣмѣли, каждый остался въ своей позѣ, кто съ поднятой рукой, кто съ разинутымъ ртомъ. Бабушка холодно обвела насъ взглядомъ, ничего не сказала и ушла, но мы болѣе уже не шумѣли.

Бабушка родилась въ 1768-мъ году; она была смолоду одна изъ первыхъ Московскихъ красавицъ, но не принадлежала къ такъ называемому высшему кругу общества. Она была Чебышева. За нее сваталось много жениховъ, она всѣмъ отказывала, и наконецъ отецъ ея, разсерженный разборчивостью балованной дочки, гнѣвно сказалъ: „Ужъ не ждешь ли ты Бибикова"?

Дѣдъ мой Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, братъ извѣстнаго полководца Екатерининскихъ временъ (Александра Ильича Бибикова), красавецъ собой, богатый, слылъ первымъ женихомъ въ городѣ. Екатерина Алексѣевна Чебышева, небогатая дѣвушка, не могла надѣяться на такую блестящую партію; но красота своего рода приданое, Бибиковъ влюбился въ молодую красавицу и взялъ ее безъ приданаго, какъ говорится, въ одной рубашкѣ. Дѣдъ мой былъ уже разъ женатъ на единственной дочери богатаго Твердышева, овдовѣлъ послѣ года; сынъ, оставшійся послѣ нея, также вскорѣ умеръ. Старикъ Твердышевъ хотѣлъ все имѣніе передать зятю, но дѣдушка отказался отъ него и только по убѣдительнымъ просьбамъ тестя согласился принять седьмую законную часть; несмѣтныя богатства Твердышевыхъ перешли князьямъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ и другимъ.

Все приданое первой жены дѣдъ мой подарилъ невѣстѣ; по понятіямъ того времени, тутъ ничего не было оскорбительнаго для

самолюбія второй жены; она приняла всѣ эти наряды съ благодарностью и носила ихъ съ удовольствіемъ. Бабушка была внѣ себя отъ радости выйти замужъ за великосвѣтскаго и знатнаго человѣка и легко вошла въ роль знатной барыни. Одна изъ сестеръ дѣдушки была замужемъ за княземъ Кутузовымъ Смоленскимъ, другая за графомъ Остерманомъ-Толстымъ, третья за Кутузовымъ, кажется адмираломъ. Бабушка гордилась новымъ родствомъ, богатствомъ, именемъ и впослѣдствіи, когда дѣлала выговоры старшему сыну, всегда приговаривала: „Не забудь, что ты Бибиковъ".

Она и въ старости сохранила тонкія черты, прекрасный профиль и величественный видъ; она держала себя очень прямо и голову слегка закинутою назадъ; носила высокіе каблуки, какъ въ первой молодости, но вовсе не занималась своимъ туалетомъ. Но все же при первомъ взглядѣ можно было признать въ ней „la grande dame". Я ее помню все въ томъ же темномъ шелковомъ капотѣ, волосы ея были небрежно зачесаны назадъ и безъ чепца. Въ молодости она любила наряжаться, считая это вѣроятно обязанностью своего высокаго положенія въ свѣтѣ. Матушка намъ разсказывала, что она, старшая сестра ея и братъ, Екатерина Гавриловна и Павелъ Гавриловичъ, всегда присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ, когда она причесывалась и пудрилась, сидя передъ зеркаломъ, въ розовой атласной кофтѣ, обшитой богатыми кружевами. Бабушка слыла примѣрной матерью потому только, что не разъѣзжала безпрестанно по гостямъ, какъ другія женщины, и что старшія дѣти часто были при ней въ гостиной; но младшіе жили на антресоляхъ съ няньками и гувернантками и рѣдко видѣли мать. Въ сущности бабушка никѣмъ изъ дѣтей не занималась, и была типъ старинной русской барыни со всею гордостью и всѣми предразсудками своего вѣка. Она ничего не читала, иногда рисовала или вышивала въ пяльцахъ, но не кончала своей работы и отдавала начатыя картины и шитье крѣпостнымъ дѣвушкамъ, которыя обязаны были кончать работы своей госпожи. У дѣдушки была огромная дворня, дочерей и сыновей лакеевъ, дворецкихъ, поваровъ отдавали на воспитаніе въ пансіоны, гдѣ ихъ учили иностраннымъ языкамъ, рисованію, музыкѣ и танцамъ. Изъ нихъ составляли труппу актеровъ и танцовщицъ для домашняго театра и балета. Старикъ Іогель, котораго вся Москва знала, былъ выписанъ дѣдушкой изъ Франціи, чтобы устроить у него въ Подмосковной балетъ.—Дѣдъ мой былъ истый вельможа: онъ нѣсколько лѣтъ былъ за границей, много читалъ, былъ уменъ, образованъ. Онъ занимался воспитаніемъ трехъ старшихъ дѣтей, особенно моею матерью, Софіей Гавриловной, и на ней, какъ на самой даровитой, бо-

лѣе отразилось вліяніе отца. Къ несчастью, онъ умеръ въ 1803 г., когда ей было только 15 лѣтъ, но при ней осталась умная француженка, эмигрантка, которая съ успѣхомъ продолжала начатое дѣло. Матушка много читала, что не нравилось бабушкѣ. Она ее не любила, называла вольтеріанкой, но уважала, никогда не наказывала, тогда какъ любимыхъ дочерей больно сѣкла. Часто совѣтывалась съ матушкой и поручила ей воспитаніе младшихъ дѣтей.

Бабушка овдовѣла 35-ти лѣтъ, еще въ полномъ блескѣ красоты, но никогда не помышляла о другомъ бракѣ, вела себя безукоризненно и деспотически управляла своей большой семьей; у нея было 17 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двѣнадцать достигли совершеннаго возраста и почти всѣ были хороши собою, болѣе всѣхъ дѣтей бабушка любила старшаго сына Павла; онъ былъ замѣчательно хорошъ по словамъ современниковъ и судя по портретамъ. Семи лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры Императрицею Екатериною II, и носилъ эполеты и мундиръ своего полка. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, велѣлъ всѣхъ малолѣтнихъ офицеровъ вычеркнуть изъ списковъ и, къ великому огорченію бабушки, съ маленькаго сына ея сняли мундиръ. Императоръ Павелъ, бывши еще Великимъ Княземъ, очень любилъ дѣдушку, который въ честь его назвалъ старшаго сына Павломъ, но несмотря на приглашеніе Государя дѣдушка не рѣшился поступить вторично на службу, покинутую имъ еще при Екатеринѣ II, и предпочелъ мирное житье въ Москвѣ, небезопасной службѣ при дворѣ. Страхъ, внушаемый Государемъ, былъ такъ великъ, что одна изъ родственницъ бабушки не выпускала шестнадцатилѣтняго сына изъ дому, боясь, чтобы онъ не попался Государю на глаза, и не зная, какъ занять мальчика, заставляла его по цѣлымъ часамъ вышивать въ пяльцахъ по канвѣ, при спущенныхъ шторахъ.

Бабушка намъ разсказывала, что Императоръ Павелъ издалъ указъ, по которому всѣ дамы, ѣхавшія въ каретѣ, должны были, когда встрѣчали Государя на улицѣ, выходить изъ кареты, и, стоя на послѣдней ступени, глубоко присѣдать, что нелегко было при тогдашнихъ высокихъ экипажахъ. Не исполнившая это приказаніе была сейчасъ же схвачена и посажена подъ арестъ. Близкая родственница бабушки ѣхала разъ по улицѣ и видитъ издали Государя, прогуливающагося безъ свиты; кучеръ и лакей не замѣтили Государя. Барыня бросилась къ окну, стала кричать: „стой“. Люди, зазѣвавшись, не слышатъ. Несчастная женщина съ громкимъ воплемъ кричитъ: „стой, стой: Государь!“. Кучеръ наконецъ останавливается—но поздно,—карета проѣхала мимо Государя. Павелъ Петровичъ, вѣроятно, былъ тронутъ блѣдностью и отчаяннымъ видомъ бѣдной

женщины, которая чуть живая стояла на подножкѣ. Онъ поднялъ руку и глухо, но явственно сказалъ: „Tranquillisez vous, madame, ce n'est rien".

Но Павелъ Петровичъ не всегда былъ такъ милостивъ: во время одной изъ его прогулокъ, останавливается противъ него карета, изъ нея выходитъ горбатая карлица и дѣлаетъ ему требуемый реверансъ. Государь вообразилъ себѣ, что она ему на смѣхъ сѣла на ступеньки кареты и закричалъ: „На три мѣсяца на гауптъ-вахту". Карлицу тотчасъ же схватили и отвезли на гауптъ-вахту. Вечеромъ одинъ изъ придворныхъ рѣшился объяснить Государю, что это несчастная—карлица и изувѣчена отъ того, что ее въ дѣтствѣ уронили.—„А кто ее воспитывалъ?"—спросилъ грозно Государь.—Она сирота и воспитывалась у тетки.—„Такъ тетку подъ арестъ, сказалъ Государь, зачѣмъ уронила ее".

Дѣдушка, умирая оставилъ пожизненно все имѣніе женѣ, съ условіемъ его не закладывать и не продавать; но добрые люди шепнули бабушкѣ, что если бы она могла располагать по-своему имѣніемъ, дѣти были бы гораздо почтительнѣе и покорнѣе. Написали ей на имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны прошеніе, гдѣ она съ двѣнадцатью сиротами повергается къ стопамъ Ея Величества, умоляетъ уничтожить духовную покойнаго мужа, который будто бы оставилъ столько долговъ, что ихъ изъ доходовъ уплатить нельзя, а необходимо продать часть имѣнія. А дѣдушка оставилъ пять тысячъ душъ незаложенныхъ, богатѣйшую подмосковную съ великолѣпными садами, оранжереями, озерами и полный домъ въ Москвѣ. Императрица, ничего не подозрѣвая, ходатайствовала у Государя Александра Павловича за бабушку; духовную уничтожили, часть имѣнія продали, а другую часть бабушка раздѣлила какъ и кому хотѣла: кого больше любила, того болѣе наградила. Болѣе всѣхъ одѣлила она любимицу, дочь старшаго сына Павла Гавриловича, убитаго подъ Вильною въ 12-мъ году. О несправедливости и строгости бабушки всѣ толковали, не очень стѣснялсь, никто изъ ея дѣтей не любилъ ее и сохраняли къ ней только наружное почтеніе. Дѣти ее всѣ боялись; особенно дочерей она строго держала. Матушка, бывши еще въ дѣвушкахъ, поѣхала по приказанію бабушки въ магазины; возвращаясь домой, она встрѣтила свою пріятельницу Елизавету Евгеньевну К—у. Елизавета Евгеньевна ее остановила и говоритъ: „Я сейчасъ была у maman, она позволила тебѣ ѣхать со мною въ театръ, садись скорѣе со мной, а то опоздаемъ". Обрадованная неожиданнымъ удовольствіемъ, матушка пересѣла въ карету подруги и поѣхала съ ней... Но, Боже мой, какая гроза ожидала ее при возвращеніи домой.

— „Кто позволилъ вамъ ѣхать въ театръ?“ спросила разгнѣванная бабушка.—Вы Лизѣ сказали, что позволяете мнѣ ѣхать. „Да, я Лизѣ сказала, а не вамъ; могли бы потрудиться мать спросить, но вы Вольтера начитались, мать ни во что не ставите, своимъ умомъ живете“... И оскорбительныя слова полились обильнымъ потокомъ. Когда бабушка сердилась на дочерей, всегда говорила имъ „вы“.

Дочери безъ ея позволенія не смѣли, даже въ деревнѣ, идти въ садъ, а когда получали это позволеніе, которое рѣдко рѣшались просить, должны были не иначе ходить по дорожкамъ, какъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ въ ливреяхъ. Понятно, что такая прогулка не привлекала молодыхъ дѣвушекъ, и что такое воспитаніе оставило свои слѣды. Матушка, вышедшая замужъ, жила всегда лѣтомъ въ деревнѣ, но никогда гулять не ходила и говорила: „je ne sais marcher que sur un parquet“. Ѣздили онѣ не иначе, какъ цугомъ, т. е. въ шесть лошадей и съ двумя лакеями на запяткахъ. Съ тремя лакеями ѣздила только Императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ 12-мъ году, когда Москва опустѣла въ ожиданіи французовъ, бабушка бѣжала въ Нижній Новгородъ; старшіе сыновья ея были всѣ четверо въ дѣйствующей арміи; младшаго 15 лѣтъ, несмотря на его убѣдительныя просьбы, она не отпустила на войну и взяла съ собою. Кромѣ его съ ней ѣхали шесть дочерей, невѣстка, внучка и многочисленная прислуга; они помѣщались въ нѣсколькихъ каретахъ и бричкахъ. На одной изъ станцій недалеко отъ Москвы толпа крестьянъ окружила карету бабушки. „Не дадимъ лошадей, кричали они, это господа со всѣми своими богатствами бѣгутъ отъ французовъ, а насъ посылаютъ драться съ ними. Пусть остаются здѣсь, посмотримъ, какъ раздѣлаются сами“. Бабушка помертвѣла, всѣ перепугались не на шутку, матушка одна не потеряла присутствія духа: она наклонилась въ опущенное окно. „Что вы шумите, сказала она громко и спокойно крестьянамъ, развѣ вы не видите, что мы однѣ женщины. Отецъ нашъ умеръ, четверо братьевъ на войнѣ, пятый тутъ, взгляните на него, онъ еще ребенокъ, а рвется тоже на войну, матушка насильно его съ собою везетъ; уже очень ей горько со всѣми сыновьями разстаться; если старшихъ убьютъ, хоть одинъ ей на старости останется. А мы развѣ можемъ воевать? чего вамъ надо, оставьте насъ въ покоѣ, не будьте хуже французовъ и не обижайте земляковъ“.

Крестьяне переглянулись, сняли шапки. „Вѣстимо, одинъ женскій полъ, переговорили они межъ собою,—что ихъ тревожить, пускай себѣ съ Богомъ ѣдутъ“ и стали помогать закладывать лошадей.

Пріѣхавши въ Нижній Новгородъ, бабушка скоро получила из-

вѣстіе, что любимый сынъ ея убитъ, а второй тяжело раненъ; она занемогла съ горя. Дочери день и ночь ходили за ней, и она вскорѣ поправилась, но долго тосковала по своемъ любимцѣ.

Въ маленькомъ губернскомъ городѣ матушкѣ и теткамъ жилось привольнѣе, чѣмъ въ Москвѣ; онѣ даже ѣздили иногда гулять за городъ.

Въ Нижній стали прибывать плѣнные французы; однажды матушка, въ одной изъ своихъ загородныхъ прогулокъ, увидала нѣсколькихъ изъ нихъ; они сидѣли около рва и хлебали какую-то жиденькую кашицу съ черствымъ хлѣбомъ. Матушка подошла къ нимъ и сказала: „Vous avez un bien maigre repas“.—„Hélas, oui, mademoiselle,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, mais pour l'assaisoner, je m'en vais chercher une plante, qui s'appelle la patience“ .

. . . . . .

Мои отношенія къ бабушкѣ.

Пока я была маленькимъ ребенкомъ, я очень любила бабушку, забавляла ее своею болтовнею, танцами и разными представленіями, въ которыхъ иногда участвовали старшій мой братъ и сестра. Бабушку особенно забавляло представленіе Андромеды; братъ привязывалъ меня къ стулу, самъ въ роли дракона надѣвалъ шубу навыворотъ и бросался на меня, а сестра, въ мужской шляпѣ и шали, перекинутой черезъ плечо, избавляла меня. Должна признаться, что эту маленькую комедію я не любила, потому что серьезно боялась вывороченной шубы, а бабушка этому-то и смѣялась отъ души.

Но, вырастая, я стала прислушиваться къ неосторожнымъ разсказамъ окружающихъ меня; гувернантки наши боялись бабушки, говорили про нее не стѣсняясь, а матушка говорила, что бабушка никого не любитъ, кромѣ внучки Биби, уменьшительное имя б—ссы Екатерины Павловны Офенбергъ, рожденной Бибиковой. Я половину слышаннаго не понимала, и какое-то странное и таинственное понятіе о бабушкѣ стало складываться въ умѣ моемъ. Я отъ природы была застѣнчива; съ годами это свойство усилилось, и въ присутствіи бабушки мною сталъ овладѣвать неопреодолимый страхъ; что-то тѣснило мое горло, я не могла слова выговорить. Все, что окружало бабушку, меня пугало: я боялась большихъ пустыхъ комнатъ, особенно одной, гдѣ висѣло много гравюръ въ золотыхъ рамкахъ, и одна, представляющая видѣніе Гамлета, наводила на меня паническій страхъ. Изъ прислуги я имѣла какое-то отвращеніе къ экономкѣ Аксиньѣ Яковлевнѣ, чопорной старухѣ со стро-

гимъ лицомъ, всегда опрятно одѣтой въ темное шелковое платье, въ крахмаленномъ чепцѣ и старинной бѣлой шали съ пестрой каймой. Я такъ боялась этой женщины, что, увидѣвъ ее, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать, и бабушки давно не было на свѣтѣ, мнѣ стало страшно, и легкая дрожь пробѣжала по мнѣ. Мнѣ тяжело въ этомъ признаться... но когда бабушка скончалась, мнѣ стало легче на сердцѣ; она мѣшала мнѣ жить, — когда я думала о ней, меня давило какое-то тягостное чувство. Надо прибавить, что бабушка сама рѣшительно не была виновата въ странномъ чувствѣ, внушаемомъ ею; она всегда была очень добра ко мнѣ и даже нѣсколько отличала отъ другихъ внучекъ. Разъ прислала она сестрѣ и мнѣ штофныя розовыя шубы, обшитыя сѣренькимъ мѣхомъ. Мы очень обрадовались богатому подарку, надѣли красивыя шубы и отправились пѣшкомъ по Московскимъ улицамъ, которыя тогда еще менѣе отличались чистотой, чѣмъ теперь. Начинало таять, мы съ сестрой поскользнулись, обѣ упали въ лужу и съ перваго раза покончили существованіе нарядныхъ шубокъ къ великому отчаянію нашей гувернантки.

Мнѣ было около десяти лѣтъ, когда Елизавета Михайловна Мартынова дала дѣтскій балъ и пригласила насъ; матушка положительно никуда насъ не возила кромѣ своей матери, и слышать не хотѣла объ этомъ балѣ; во Елизавета Михайловна объявила, что безъ насъ не начнутъ танцовать; и бабушкѣ хотѣлось, чтобы насъ хоть разъ показали въ свѣтъ, и она уговорила матушку ѣхать съ нами къ Мартыновымъ. „Пожалуйста, сказала бабушка матушкѣ, принаряди хорошенько дѣвочекъ; а вы, прибавила она, обратясь къ нашей гувернанткѣ, смотрите, Александра Васильевна, чтобы Лизѣ завили хорошенько волосы; пошлите за Глазовымъ, лучше его никто не причешетъ“.

Глазовъ былъ первымъ куаферомъ въ Москвѣ до 12-го года, а когда его призвали причесать сестру и меня, ему было чуть ли не болѣе семидесяти лѣтъ. Мы съ восторгомъ и нетерпѣніемъ ждали бала; великій день наступилъ, Глазовъ явился, причесалъ сестру и взялся за мою голову. „Велите ему прежде подстричь немного волосы Лизѣ, а потомъ завить, сказала матушка Александрѣ Васильевнѣ, а я пойду посмотрѣть, какъ Катя одѣвается“.

Александра Васильевна небрежно передала приказаніе парикмахеру и углубилась въ чтеніе французскаго романа. Черезъ полчаса матушка входитъ, вскрикиваетъ и, всплеснувъ руками, опускается на стулъ... Александра Васильевна подняла глаза и—сильно сконфузилась; мои длинные, густые волосы лежали кругомъ меня на полу и клочками покрывали простыню, въ которую меня укутали;

парикмахеръ оставилъ мнѣ волосъ длиною въ вершокъ. „Что вы сдѣлали! — воскликнула матушка, обратясь къ гувернанткѣ, „mais c'est un mal irrémarable!“—Она была въ отчаяніи; Глазовъ прежде всѣхъ пришелъ въ себя. — „Не безпокойтесь, сказалъ онъ, я дѣло поправлю, все будетъ хорошо“. Онъ мои коротенькіе волосы завилъ въ 150 папильотокъ, прижегъ ихъ щипцами, далъ остыть, снялъ бумажки, расчесалъ и сдѣлалъ мнѣ прическу въ видѣ курчаваго барашка. Все это мученье я съ геройствомъ перенесла, боясь, что вслѣдствіе моего изуродованія меня не возьмутъ на балъ. Когда мы вошли, музыка загремѣла; насъ ждали, чтобы начать танцовать. На балѣ моя прическа произвела фуроръ, какъ мнѣ нѣсколько лѣтъ спустя разсказывали;—я же такъ поражена была нарядною толпою, освѣщенною залою и музыкою, что не слыхала, что про меня говорили, и не заботилась, хороша ли я, или дурна.

Оставалось узнать, что бабушка скажетъ о моей новой прическѣ; на другой день повезли меня къ ней; она разсмѣялась и потрепала меня по щекѣ. Всѣ успокоились.

Бабушка рѣдко выѣзжала, кажется, что въ продолженіе десяти лѣтъ, что я ее помню, она не болѣе двухъ разъ была у насъ. Ея посѣщеніе было такое замѣчательное происшествіе, что все въ домѣ приходило въ волненіе, бросали уроки, какіе бы ни были, и мы всѣ четверо стояли за матушкинымъ кресломъ, все время визита бабушки. А какъ она была хороша, принарядившись немножко; чепчикъ изъ бѣлой блонды такъ шелъ къ ея тонкимъ, правильнымъ чертамъ, улыбка ея была такъ привѣтлива, и видъ такъ величавъ.

Несмотря на свою большую семью, бабушка жила совершенно одна въ собственномъ большомъ домѣ на Пречистенкѣ. Всѣ дочери были замужемъ, всѣ сыновья женаты и разбрелись по Россіи, одна матушка постоянно проводила зиму въ Москвѣ. Но все-таки родственниковъ было такъ много, что по большимъ праздникамъ садилось за столъ у бабушки человѣкъ двадцать и болѣе. Кушанья подавались на тяжелыхъ серебряныхъ блюдахъ, и первое блюдо непремѣнно телячьи рубленныя котлеты съ ломтикомъ лимона на каждой котлетѣ. Къ дессерту подавались вызолоченные приборы съ фарфоровыми ручками, которые казались мнѣ верхомъ роскоши.

Я иногда видѣла у нея, въ 30-хъ годахъ, ея дядю Петра Александровича Чебышева, дряхлаго старика, замѣчательнаго тѣмъ, что занимался своею наружностью не менѣе Гастона Орлеанскаго; онъ каждый день завивалъ свои сѣдые волосы, и такъ какъ тогда не были изобрѣтены круглые щипцы, его можно было видѣть каждое утро въ папильоткахъ. Вмѣсто шлафрока онъ надѣвалъ бѣлый женскій пеньюаръ съ розовыми бантами.

Кромѣ этого старика—дяди, къ бабушкѣ являлись разныя старухи—приживалки, которыхъ тогда въ каждомъ домѣ было много. Она любила ихъ разсказы и прибаутки; у нея часто бывала простая торговка, прозванная Петровна, которая играла роль шутихи, имѣла право садиться при бабушкѣ, гадала на псалтырѣ, раскрывая его на своей головѣ, толковала сны, врала всякій вздоръ и позволяла себѣ шутки не всегда приличныя. Ей все прощалось. Петровна послѣ смерти бабушки приносила къ намъ въ домъ свой товаръ, и матушка много у нея покупала; разъ Петровна, не имѣя сдачи, осталась должна матушкѣ гривенникъ. Съ тѣхъ поръ она къ намъ болѣе не показывалась. Кромѣ псалтыря, я никакой книги у бабушки не видала. Оставшуюся библіотеку послѣ дѣдушки она подарила моей матери. Послѣ обѣда она всегда раскладывала пасьянсы.

Съ такой обстановкой, не мудрено, что бабушкѣ передавались на счетъ дѣтей и внуковъ всякія нелѣпыя сплетни, которыя, доходя до матушки, ее сильно огорчали. Не стану о нихъ говорить; онѣ могли на мгновенье огорчить сердце матери, но время отымаетъ у нихъ всякое значеніе.

Бабушка умерла холерою въ 1834 году. Несмотря на многочисленную семью, никто изъ родныхъ не былъ при ней, она скончалась на рукахъ крѣпостныхъ горничныхъ. Никто изъ сыновей не пожелалъ оставить за собою ея домъ, — его продали почти задаромъ баронессѣ Розенъ. Лѣтъ пятнадцать послѣ ея смерти я была въ немъ на балу у б—ссы Розенъ и не безъ волненія вошла въ эти комнаты, гдѣ такъ часто бывала въ дѣтствѣ. Нѣсколько гостиныхъ остались, какъ были при бабушкѣ; я забыла про картину Гамлета, про страшную экономку, — я вспомнила только, какъ бабушка меня ласкала, какъ она была величественно хороша, какъ я глупо боялась ее, и что-то вродѣ угрызенія совѣсти шевельнулось въ душѣ моей...

На этомъ балу я въ первый разъ видѣла моего мужа, барона В. М. Менгденъ.

Баронесса Елизавета Менгденъ.